Содержание

Бувар и Пекюше (*пер.: И. Мандельштам)* 5

Лексикон прописных истин (*пер.: Т. Иринова*) 357

Бувар и Пекюше[1]

[1] Пер.: И. Мандельштам

I

Жара достигала тридцати трех градусов, и бульвар Бурдон был совершенно безлюден.

Пониже вытянулся в прямую линию замкнутый двумя шлюзами канал Сен-Мартен с водою чернильного цвета. Посредине стояла груженная дровами баржа, и на береговом откосе выстроились два ряда бочек.

По ту сторону канала, между домами, где расположены лесные склады, широкое чистое небо вырисовывалось лазурными квадратами, и в лучах солнца белые фасады, черепичные кровли, гранитные набережные слепили глаза. Смутный отдаленный гул стоял в теплом воздухе; и все словно оцепенело от воскресной праздности и грусти, свойственной летним дням.

Показались двое прохожих.

Один держал путь от Бастильи, другой — от Ботанического сада. Тот, что был выше, в парусиновом костюме, со шляпою на затылке, шагал, расстегнув жилет и неся галстук в руке. Другой, поменьше ростом, весь уйдя в коричневый сюртук, шел, понурив голову под остроконечным козырьком картуза.

Дойдя до середины бульвара, они уселись одновременно на одну и ту же скамью.

Чтобы вытереть лоб, каждый из них снял свой головной убор и положил его рядом с собою; и низенький человек заметил на шляпе соседа надпись «Бувар»,

а тот без труда разобрал слово «Пекюше» на подкладке картуза у одетого в сюртук мужчины.

— Смотрите-ка, — сказал он, — мы с вами одно и то же придумали: написать свою фамилию на шляпах.

— Да, что поделаешь, мою могли бы обменять в конторе.

— Вот и у меня то же самое: я — служащий.

Тут они взглянули друг на друга.

Пекюше был сразу пленен приятной внешностью Бувара. Его голубые, всегда полузакрытые глаза улыбались на румяном лице. Панталоны с широким гульфом сморщились на войлочных башмаках и обтягивали живот, вздувая рубашку над поясом, а белокурые волосы, вившиеся легкими кольцами, придавали нечто детское его чертам. Губами он не переставая как бы насвистывал.

Бувара поразил серьезный вид Пекюше.

Его волосы можно было принять за парик — такие гладкие и черные пряди украшали высокий череп. Лицо казалось профилем со всех сторон, потому что нос опускался очень низко. Ноги в натянутых глянцевитых брюках были по длине непропорциональны туловищу; говорил он голосом зычным, глухим. У него вырвалось восклицание:

— Как хорошо теперь в деревне!

Но Бувар возразил, что пригород невыносим из-за кабацкого шума. Пекюше был того же мнения. Однако столичная жизнь начинала его утомлять, Бувара — тоже.

И глаза их блуждали по грудам тесаных камней, по отвратительной воде, где плавала охапка соломы, по торчавшей на горизонте фабричной трубе; миазмы поднимались от сточных вод. Они повернулись в другую сторону: перед ними выросли стены хлебных амбаров.

Положительно (и Пекюше был этим озадачен) на улице зной еще сильнее, чем дома. Бувар посоветовал ему снять сюртук. Сам он плюет на приличия.

Вдруг по тротуару прошел, выписывая кренделя, пьяный; они заговорили о рабочих, потом о политике. Взгляды у них оказались общие, хотя Бувар, пожалуй, был либеральнее.

На мостовой, в вихре пыли, раздалось громыхание железа: три наемные кареты направлялись в Берси. Они везли невесту с букетом, мещан в белых галстуках, нескольких дам, утопавших в юбках, двух-трех девочек, школьника. Зрелище свадебного поезда навело Бувара и Пекюше на разговор о женщинах, которых они обвинили в легкомыслии, сварливости, упрямстве. Все же они часто лучше мужчин, а то бывают и хуже. Словом, умнее жить без них; потому Пекюше и остался холостяком.

— А я вдовец, — сказал Бувар, — и бездетен.

— Это, пожалуй, счастье для вас? Но одиночество в конце концов грустная вещь.

На набережной показались уличная девица и солдат. С бледным и рябым лицом, черноволосая, она опиралась на руку военного, шлепая туфлями и покачивая бедрами.

Когда она прошла мимо, Бувар позволил себе непристойное замечание. Пекюше густо покраснел и, желая, по-видимому, уклониться от ответа, показал ему глазами на приближавшегося священника.

Служитель церкви медленно шел по аллее тощих вязов, торчавших вехами вдоль тротуара, и Бувар, лишь только треуголка скрылась из виду, заявил, что чувствует облегчение, ибо терпеть не может иезуитов. Пекюше, не оправдывая их, обнаружил к религии некоторое уважение.

Между тем надвигались сумерки, и в противоположном доме приподнялись ставни. Число прохожих увеличилось. Пробило семь часов.

Беседа их текла и не иссякала, анекдоты сменялись замечаниями, личные взгляды — философскими обобщениями. Они раскритиковали корпус инженеров путей сообщения, табачную монополию, купеческий мир, театры, отечественный флот и весь род человеческий, словно были людьми, перенесшими большие неприятности. Каждый из них, слушая другого, находил в нем свои собственные забытые черты. И хотя они вышли из возраста простодушных волнений, но испытывали новое удовольствие, своего рода расцвет, прелесть зарождающейся нежности.

Раз двадцать они вставали с места, снова садились и ходили по бульвару от переднего шлюза до заднего, все собираясь уйти, но не имея сил расстаться, как бы завороженные.

Однако они уже прощались и держали друг друга за руки, как вдруг Бувар неожиданно сказал:

— А не пообедать ли нам вместе?

— И у меня была эта мысль, — ответил Пекюше, — но я не решался высказать ее.

И он согласился зайти в маленький ресторан против ратуши, где было неплохо.

Бувар заказал обед.

Пекюше боялся пряностей, они горячат кровь. Это послужило предметом медицинского спора. Затем они стали восхвалять преимущества наук: сколько вещей можно узнать, сколько исследовать... если иметь время! Увы, оно уходило на добывание хлеба. И они подняли от удивления руки, они чуть было не обнялись над столом, когда оказалось, что оба — писцы. Бувар — в одном торговом доме, Пекюше — в морском министерстве, что не мешало ему каждый вечер посвящать

немного времени изысканиям. Он нашел ряд ошибок в сочинениях г-на Тьера и с величайшим уважением отзывался о некоем профессоре Дюмушеле.

Бувар превосходил его в других отношениях. По его сделанной из волос часовой цепочке и по манере, с какою он сбивал соус, в нем угадывался человек бывалый, и за едою, держа конец салфетки под мышкой, он рассказывал вещи, смешившие Пекюше. Это был своеобразный смех на одной очень низкой ноте, все на той же, и раздавался он с большими промежутками. Бувар смеялся сдержанно, звучно, скаля зубы, подбрасывая плечи, и посетители при выходе оглядывались на него.

Пообедав, они отправились пить кофе в другое заведение. Пекюше, разглядывая газовые рожки, посетовал на излишества роскоши, затем презрительным жестом отодвинул газеты. Бувар относился к ним снисходительно. Он любил всех писателей вообще, а в молодости обнаруживал актерские задатки.

Взяв бильярдный кий и два шара слоновой кости, он хотел показать фокусы эквилибристики, которые проделывал один из его приятелей, Барберу. Шары неизменно падали и, катаясь по полу между ногами посетителей, исчезали в дальних углах. Официант каждый раз доставал их из-под скамеек, ползая на четвереньках, и наконец возроптал. Пекюше вступил с ним в спор. Явился хозяин, он не принял его извинений и даже стал придираться к тому, что им подавали.

Затем Пекюше предложил мирно закончить вечер у него в квартире; она находилась в двух шагах, на улице Сен-Мартен.

Как только они пришли, он напялил на себя нечто вроде кофты из миткаля и показал гостю свою обитель.

Письменный стол соснового дерева стоял как раз посередине, и трудно было обходить его углы. Повсюду

вокруг — на полках, на трех стульях, на старом кресле и по углам — в кучу набросано было несколько томов «Энциклопедии» Поре, руководство для магнетизеров, Фенелон и другие книжки вперемешку с ворохом бумаг, два кокосовых ореха, различные медали, турецкий колпак и раковины, привезенные Дюмушелем из Гавра. Слой пыли покрывал, точно бархатом, стены, некогда выкрашенные в желтый цвет. Сапожная щетка валялась подле кровати, с которой свисали простыни. На потолке копоть от лампы образовала большое черное пятно.

Бувар попросил позволения открыть окно, по-видимому недовольный запахом.

— Бумаги разлетятся! — воскликнул Пекюше, боявшийся к тому же сквозняков.

Однако он задыхался в этой комнатушке, с утра накаляемой черепицами кровли.

Бувар сказал ему:

— На вашем месте я снял бы фуфайку.

— Что вы!

И Пекюше понурил голову в испуге, представив себе, как он останется без своего гигиенического жилета.

— Проводите меня домой, — продолжал Бувар, — на вольном воздухе вы освежитесь.

Пекюше опять натянул сапоги, бормоча:

— Вы меня околдовали, честное слово!

И, несмотря на расстояние, проводил его домой, на угол улицы Бетюн, что против моста Турнель.

Комната Бувара с хорошо навощенным полом, ситцевыми занавесками и мебелью красного дерева имела балкон, выходивший на реку. Главными ее украшениями были поставец для ликеров посередине комода и дагеротипы вдоль зеркала, изображавшие его

приятелей. В алькове помещался портрет масляными красками.

— Это мой дядя, — сказал Бувар.

И свеча в его руке осветила фигуру мужчины.

Рыжие баки полнили лицо, увенчанное прядью волос с завитком. Шею сжимали высокий галстук и три воротника: сорочки, бархатного жилета и черного фрака. На жабо предполагались брильянтовые запонки. Глаза оттянуты морщинами к щекам. Рот насмешливо улыбался.

Пекюше не удержался и сказал:

— Его легче принять за вашего отца.

— Это мой крестный, — небрежно ответил Бувар, тут же сообщив, что его нарекли при крещении Франсуа-Дени-Бартоломе.

Пекюше звали Жюст-Ромен-Сирил, и они были одного возраста: сорока семи лет. Это совпадение обрадовало их, но поразило, потому что они казались один другому гораздо старше. Затем они стали дивиться провидению, чьи пути подчас бывают чудесны.

— В самом деле, если бы мы сегодня не вышли прогуляться, то могли бы умереть, не познакомившись.

И, сообщив друг другу свои служебные адреса, они обменялись пожеланиями доброй ночи.

— Смотрите, не загляните к девицам! — крикнул Бувар с площадки лестницы.

Пекюше сошел по ступенькам, не ответив на эту вольную шутку.

На следующий день во дворе торгового дома братьев Декамбо «Эльзасские ткани», улица Отфейль, девяносто два, раздался крик:

— Бувар! Господин Бувар!

Тот высунул в окно голову и увидел Пекюше, который произнес еще громче:

— Я не болен! Я ее снял.

— Что?

— Ее, — сказал Пекюше, показывая на грудь.

Впечатления прошедшего дня, духота в комнате и усиленное пищеварение помешали ему спать, так что он не выдержал и сбросил фланелевую фуфайку. Наутро он вспомнил о своем поступке, не имевшем, к счастью, последствий, и пошел сообщить о нем Бувару, которого этот случай поднял в его мнении на огромную высоту.

Пекюше был сыном мелкого торговца и не знал своей матери, умершей в очень молодом возрасте. Его взяли из пансиона, когда ему было пятнадцать лет, и определили на службу к судебному приставу. Туда явились жандармы, и хозяин его был сослан на галеры. Это была жуткая история, приводившая его в ужас еще и теперь. Затем он перепробовал много профессий: аптекарского ученика, гувернера, счетовода на пакетботе Верхней Сены. Наконец один начальник отделения, прельщенный его почерком, пригласил его писцом. Умственные запросы, вызванные сознанием недостаточности его образования, будили в нем раздражение. Жил он совершенно одиноко, без родни, без любовницы. Воскресным его развлечением было наблюдать за общественными работами.

Самые отдаленные воспоминания Бувара переносили его на берега Луары, во двор одной фермы. Человек, приходившийся ему дядей, повез его в Париж, чтобы обучить торговому делу. Достигнув совершеннолетия, он получил в дар несколько тысяч франков. Тогда он женился и открыл кондитерскую. Через полгода супруга исчезла, захватив с собою кассу. Друзья, хороший стол, а главное — лень быстро довершили разорение. Но его осенила мысль извлечь пользу из своего красивого почерка; и в течение двенадцати лет он сидел на одном и том же месте у братьев Декамбо — «Эльзасские

ткани», улица Отфейль, девяносто два. Что касается дяди, пославшего ему когда-то на память знаменитый портрет, то Бувар даже не знал его местопребывания и ничего от него больше не ждал. Полторы тысячи ливров дохода и жалованье переписчика позволяли ему каждый вечер немного подремать в кофейне.

Таким образом, встреча их имела значение события. Они сразу же привязались друг к другу таинственными нитями. И в самом деле, чем объяснить симпатии? Отчего такая-то особенность, такое-то несовершенство, безразличные или противные в одном человеке, привлекательны в другом? То, что называется взрывом, наблюдается во всех страстях. Не прошло и недели, как они уже были на ты.

Часто приходили они друг за другом на службу. Лишь только появлялся один, другой запирал свою конторку, и они вместе отправлялись бродить по улицам. Бувар делал большие шаги, между тем как Пекюше, семеня в своем сюртуке, шлепавшем его по пяткам, словно скользил на колесиках. Так же гармонировали между собою их личные вкусы. Бувар курил трубку, любил сыр, клал сахар в чашку. Пекюше нюхал табак, за десертом ел только варенье и пил кофе вприкуску. Один был доверчив, легкомыслен, щедр; другой — скрытен, раздумчив, бережлив.

Желая доставить удовольствие Пекюше, Бувар познакомил его с Барберу, бывшим коммивояжером, ныне — биржевиком. Это был очень славный малый, патриот, дамский угодник, любитель простонародных словечек. Пекюше остался им недоволен и повел Бувара к Дюмушелю. Этот писатель (он напечатал небольшой курс мнемоники) преподавал словесность в пансионе для молодых девиц, придерживался ортодоксальных взглядов и был серьезного поведения. Он показался Бувару скучным.

Ни один из них не скрыл своего мнения. Каждый признал правоту другого. Изменив привычкам, они покинули свои домашние пансионы и стали в конце концов ежедневно обедать вместе.

Они рассуждали о модных театральных пьесах, правительстве, дороговизне продуктов, мошеннических проделках купцов. Время от времени возвращались в своих беседах к истории с ожерельем или процессу Фюальдеса, а затем доискивались причины Революции.

Они бродили мимо лавок со старым хламом, посетили музей искусств и ремесел, Сен-Дени, фабрику гобеленов, Дом инвалидов и все открытые для публики хранилища коллекций. Когда у них требовали пропуск, они делали вид, будто потеряли его, и выдавали себя за двух иностранцев, за англичан.

В галереях музея они с изумлением созерцали чучела четвероногих, разглядывали бабочек с удовольствием, металлы — с равнодушием; ископаемые навевали на них мечты, конхиология была им скучна. Они рассматривали теплицы сквозь стекла и дрожали при мысли, что вся эта листва источает яды. Кедр поразил их особенно тем, что был, по слухам, привезен в шляпе.

В Лувре они старались прийти в восторг от Рафаэля. В большой библиотеке пожелали узнать точное число томов.

Однажды они попали в университет на лекцию арабского языка, и профессор был удивлен, заметив двух незнакомцев, пытавшихся делать записи. Благодаря Барберу они проникли за кулисы маленького театра. Дюмушель раздобыл для них билеты на заседание Академии. Они осведомлялись об открытиях, просматривали каталоги, и это любопытство развивало их мыслительные способности. На горизонте, расширявшемся с каждым днем, они различали вещи туманные и вместе с тем чудесные.

Любуясь старой мебелью, они жалели о том, что не жили в ту эпоху, когда она была в моде, хотя решительно ничего не знали об этой эпохе. По некоторым названиям они рисовали себе страны тем более прекрасные, что никакого точного представления не могли себе составить о них. Книги с непостижимыми заглавиями казались им содержащими некую тайну.

А вместе с идеями у них прибавилось и страдания. Когда им встречалась на улице почтовая карета, они чувствовали потребность уехать в ней. Цветочная набережная вселяла в них тоску по сельской природе.

Однажды в воскресенье они пустились в дорогу с раннего утра и, пройдя Медон, Бельвю, Сюрен, Отейль, весь день скитались между виноградниками, срывали дикий мак на полях, спали на траве, пили молоко, ели под акациями загородных кабачков и возвратились домой очень поздно в пыли, без сил, полные восхищения. Они стали часто повторять такие прогулки. Но в конце концов отказались от них, так как на следующий день всякий раз грустили.

Конторское однообразие становилось им ненавистно. Вечно скоблильный ножик и резинка, все та же чернильница, те же перья и те же сослуживцы. Считая их дураками, Бувар и Пекюше все реже разговаривали с ними. Поэтому те стали их задирать. Каждый день они опаздывали и получали выговоры.

Когда-то они чувствовали себя почти счастливыми, но с тех пор, как выросли в собственных глазах, служба начала казаться им унизительной, и они поддерживали в этом отвращении, возбуждали, портили друг друга. Пекюше позаимствовал резкость у Бувара, Бувар перенял некоторую суровость у Пекюше.

— Я готов быть акробатом в балаганах! — говорил один.

— Хотя бы тряпичником! — восклицал другой.

Какое отвратительное положение! И никакой возможности выйти из него! Даже никакой надежды!

Однажды (это было 20 января 1839 года) Бувар получил на службе письмо, доставленное почтальоном.

Руки у него поднялись, голова медленно запрокинулась, и он упал на пол без чувств.

Конторщики бросились к нему, развязали галстук, послали за врачом. Бувар открыл глаза, затем в ответ на обращенные к нему вопросы произнес:

— Ах... дело в том, что... в том, что... мне легче станет на воздухе. Нет! Оставьте меня! Позвольте!

И, несмотря на полноту, он добежал, не переводя дыхания, до морского министерства, проводя рукою по лбу, думая, что сходит с ума, стараясь успокоиться.

Он вызвал Пекюше.

Пекюше явился.

— Мой дядя умер! Я наследник!

— Не может быть!

Бувар показал следующие строки:

Контора нотариуса Тардивеля.

Савиньи в Септене, 14 января 1839 г.

Милостивый государь!

Благоволите пожаловать в мою контору для ознакомления с завещанием вашего отца, г-на Франсуа-Дени-Бартоломе Бувара, бывшего нантского негоцианта, умершего в нашей коммуне десятого сего месяца. В означенном завещании содержится весьма важное распоряжение в вашу пользу.

Примите, милостивый государь, уверение в моем уважении.

Тардивель, нотариус

Пекюше вынужден был опуститься на тумбу во дворе. Затем он возвратил бумагу и медленно произнес:

— Лишь бы... это не было... какой-нибудь шуткой.

— Ты думаешь, это шутка? — сказал Бувар сдавленным голосом, похожим на предсмертный хрип.

Но почтовый штемпель, печатный бланк конторы, подпись нотариуса — все доказывало подлинность известия. Они посмотрели друг на друга, и губы их дрожали, а в неподвижных глазах застыли слезы.

Им не хватало пространства. Они дошли до Триумфальной арки, возвратились по набережным, миновали собор Нотр-Дам. У Бувара горело лицо. Он ударял Пекюше кулаком по спине и в течение пяти минут нес совершенный вздор.

Невольно они захихикали. Наследство, несомненно, составляет не меньше...

— Ах! Это было бы слишком хорошо! Перестанем говорить.

Но они опять заговорили. Ничто не мешало немедленно попросить объяснений. Бувар написал нотариусу.

Тот прислал копию завещания, кончавшегося так:

«А посему я завещаю Франсуа-Дени-Бартоломе Бувару, моему незаконнорожденному признанному сыну, часть моего имущества, полагающуюся ему по закону».

В молодости у г-на Бувара родился этот сын, но он его тщательно держал в отдалении, выдавая за племянника; и «племянник» всегда называл его дядей, хотя и понимал, в чем дело. Лет под сорок г-н Бувар женился, затем овдовел. Когда оба законных сына повели себя не так, как ему хотелось, он стал раскаиваться в том, что его незаконное дитя оставалось забытым столько лет. Он даже поселил бы его у себя, если бы не находился под влиянием своей кухарки. Та покинула его, благодаря проискам родни, и в одиночестве,